

Недооцененные акции местной власти

Потенциал Советов депутатов обществу еще только предстоит раскрыть

В экономической теории недооцененными акциями называют ценные бумаги компаний, которые демонстрируют существенный потенциал роста курсовой стоимости. На бирже такие акции в какой-то момент котироваются дешевле, чем они стоят на самом деле, то есть их внутренняя стоимость выше той суммы, которую согласны заплатить брокеры. И именно такие акции – самый лакомый кусочек для инвестора, ведь день роста для них просто неизбежен. Система местного самоуправления в нашей стране – вроде той недооцененной акции: потенциал огромен, а вот умения его раскрыть зачастую не хватает. Или знания подводят?

ПРАВО ИЛИ ОБЯЗАННОСТЬ?

Предсказать, сколько наших сограждан решит поучаствовать в выборах в местные Советы депутатов 25 апреля и проголосовать, невозможно. Точные данные народного волеизъявления Центральная комиссия по выборам и проведению республиканских референдумов объявит уже после того, как этот номер «БД» попадет в руки читателей. Тем не менее спрогнозировать, что рекордной явки не получится, не так и сложно – интерес граждан к выборам, особенно региональным, не высок. В соседней России, например, где 14 марта состоялись выборы в законодательные органы восьми субъектов Федерации, средняя явка составила всего 42,6 %. Именно поэтому одним из существенных изменений избирательного законодательства в нашей стране стала отмена порога явки избирателей на голосование – теперь факт признания выборов состоявшимися не зависит от того, сколько человек бросит бюллетени в урны.

Кстати, проблема явки избирателей на выборы актуальна для многих стран мира. Данные последнего десятилетия свидетельствуют, что процент участия граждан в этой процедуре снижается практически во всех государствах. Самые активные – дат-

чане: к урнам для голосования приходит в среднем 85,55 % потенциальных избирателей. В Германии – 78,4 %, во Франции – 60,35 %, в Чехии – 61,2 %, в Украине – 66,04 %. Самые пассивные, по крайней мере в Европе, поляки – в среднем за десять лет во всех состоявшихся в этой стране выборах поучаствовало лишь 43,4 % электората. Впрочем, выборы в региональные советы во Франции, состоявшиеся в марте текущего года, демонстрируют, что и эта статистика может быть подпорчена – в первом туре приняли участие 54 % избирателей, во втором – 49 %.

Проблема явки не столь безобидна, как кажется на первый взгляд. Политологи склонны рассматривать пассивность избирателей как кризисное явление в развитии демократии. Ведь если исходить из того, что голосование – проявление гражданского участия в делах общества, а право выбора – важнейшее демократическое завоевание, то отказ или игнорирование этого права знаменует собой девальвацию демократических ценностей в общественном сознании. Либо (что чаще всего и демонстрируют страны «молодой демократии», образовавшиеся на обломках социалистического блока государств) недостаточный уровень развития общественного сознания и политической культуры, если граждане не чувствуют личную заинтересованность в избрании представителей власти и ответственность за успешность этого процесса.

Рецепты от пассивности хорошо известны. Это и широкая пропаганда выборов в средствах массовой информации, и отмена либо снижение порога явки, и рассылка приглашений на участие в выборах (а в некоторых странах – и избирательных бюллетеней), и досрочное голосование в удобные для избирателей дни. Все эти меры привлечения внимания к выборам активно применяются и в нашей стране. Они,

безусловно, приносят свои плоды, но, как говорится, хотелось бы большего.

К слову, есть еще одна довольно кардинальная мера, которая, по оценкам экспертов, автоматически увеличивает количество участвующих в выборах граждан примерно на 8–15 %. Речь идет об обязательном голосовании, законодательно введенном в некоторых государствах. И это решение – изобретение вовсе не авторитарных режимов. Обязаны участвовать в выборах граждане, например, вполне себе демократических Аргентины, Мексики или Австралии, а также бельгийцы и итальянцы. Логика этого решения проста, и сформулировал ее еще Некрасов: «...гражданином быть обязан». Иными словами, если гражданин рассчитывает на получение преференций или неких социальных благ от государства, то должен и отдать свой голос, когда его об этом просят. Голосование, считают в этих странах, – самое малое, что может гражданин сделать для своей Родины. И с этим аргументом трудно спорить. Так, по австралийским законам, не явившегося на выборы без «уважительных и достаточных причин» могут не только оштрафовать, но и наказать тюремным заключением, хотя на практике, конечно, столь жестко суды поступают редко.

Впрочем, обязательное голосование остается довольно экзотической практикой. Его противники утверждают, между прочим, что низкая явка может быть свидетельством не недовольства избирателей действиями выборных органов, а, напротив, удовлетворенности существующим порядком вещей.

Пока речь о введении обязательного голосования в нашей стране не идет, и в ближайшей перспективе осуществить реализацию такого замысла вряд ли возможно. Но в будущем, если тенденции нежелания граждан участвовать в выборах будут нарастать, общественные дискуссии на эту тему вполне могут стать реальностью. По крайней мере, в европейских странах политологи об этой проблеме говорить не стесняются.

КАКОГО ЦВЕТА КАНДИДАТЫ?

Отличительная особенность выборов в нашей стране – крайне низкая активность политических партий. По данным

Председатель Центризбиркома Лидия Ермошина во время онлайн-конференции на тему «Выборы в местные Советы депутатов – 2010» в БелТА

Центризбиркома, в нынешней избирательной кампании из всех зарегистрированных кандидатов в депутаты (то есть из 25 033 человек) политические партии выдвинули... аж 512. Ровно 2 %! А ведь и сам процесс избрания в местные Советы, агитационная кампания, а затем и работа в представительных органах регионального уровня, казалось бы, дают исключительно благоприятную возможность для проявления политической инициативы, демонстрации организационного и интеллектуального потенциала партии. Но не в нашей стране. От самой крупной и самой неукротимой из партий – Коммунистической – зарегистрировано лишь 198 кандидатов в депутаты на 21 303 избирательных округах. То есть 0,8 % от всех зарегистрированных потенциальных депутатов. Следом за коммунистами идут Белорусская партия левых «Справедливый мир»,

Объединенная гражданская партия и Либерально-демократическая партия. Процент участия остальных партий так исчезающе мал, что в официальной статистике два или даже семь «партийцев»-кандидатов на всю страну обозначается красноречивой цифрой 0,0 %.

Ситуация, безусловно, не может считаться приемлемой. Ссылки на политическую пассивность избирателей, которая в итоге обуславливает совершенное отсутствие партийной инициативы, несостоятельны. Ведь избиратель в любом случае имеет некие политические предпочтения, хотя бы по классической оси координат «либерализм – социализм».

Если бы кандидаты в депутаты позиционировались на выборах как проводники той или иной идеологии, как приверженцы той или иной модели развития, в том числе и регионального, то есть как представители той или иной партии, это было бы гораздо продуктивнее. И интереснее! Ведь альтернатива такому порядку – то, что мы сегодня имеем: с рекламных плакатов на нас смотрят симпатичные лица двух, трех, а в некоторых округах и пяти кандидатов, указаны этапы их славного трудового прошлого, а также то, что данный товарищ, к примеру, «женат, имеет сына». Вот только как эта информация может помочь с выбором?

То ли дело во Франции! Весь мир следил за, казалось бы, совершенно незначительным событием – мартовскими выборами в региональные советы в этой стране. Партия власти «Союз за народное движение», чьим лидером является президент Николя Саркози, потерпела сокрушительное поражение, набрав лишь чуть больше трети голосов. Социалисты и блок «зеленых», объединившись в коалицию, получили около 54 %. Они сформировали региональные советы на ближайшие четыре года в 20 из 22 регионов страны. Тем самым обеспечив проведение в регионах политики социальной ответственности.

Что же так взволновало общественность? А то, что проигрыш правящей партии мог привести к самым непредсказуемым последствиям, вплоть до отставки правительства Франсуа Фийона. Кроме того, это демонстрация отношения большинства французов к курсу самого Николя Саркози, а президентские выборы не за горами – в 2012 году. Консервативная и весьма влиятельная газета Le Figaro в редакторской колонке буквально на следующий день после выборов без обиняков написала: Саркози из «гиперпрезидента» стал «гипернеудачником».

Столь громкие последствия выборов в органы местной власти, безусловно, объясняются тем, что во Франции принята пропорциональная избирательная система, то есть места в представительном органе местной власти (в данном случае – 1800 мандатов советников региональных советов) распределяются между партиями в строгом соответствии с числом набранных партиями голосов. Стопроцентный плюс этой системы – более полный учет интересов и ценностей, существующих в рамках гражданского общества. Стопроцентный минус – обезличенность кандидатов. Избиратель, по сути, голосует не за «своего» кандидата, а за «свою» партию, питая надежды на мудрость партии, сформировавшей избирательный список.

Впрочем, Франция, государство «старой демократии» с устоявшейся и развитой

Выступает Мартин Обри – лидер Французской социалистической партии. Март 2010 года

партийно-политической системой, вряд ли может служить примером демонстрации всех «прелестей» пропорциональной системы. Гораздо интереснее ситуация у наших южных соседей.

ПАРТИЯ ПО СХОДНОЙ ЦЕНЕ

В Украине на местных выборах, согласно закону о выборах депутатов местных советов, городских и сельских голов, принятому в 2005 году, также применяется пропорциональная избирательная система. И выборы, кстати, должны были состояться вот-вот, 30 мая нынешнего года. Правда, Верховная Рада недавно отменила постановление о назначении очередных выборов депутатов местных советов и сельских, поселковых, городских голов, так и не назвав новой даты.

Суть не в этом. Интересно в данном случае то, что, принимая закон, украинцы хотели уйти на местных выборах от конкуренции директоров школ с начальниками ЖЭСов и главврачами районных больниц. Подразумевалось, что отныне соревноваться за симпатии избирателей будут партийные идеи и политические технологии. И политтехнологи не подвели – сегодня на политическом поле Украины зарегистрировано более 200 партий!

С одной стороны, такое разнообразие выбора блюд в политическом меню не может не радовать. С другой стороны, жалко становится местного избирателя – попробуйте с ходу различить двести неуловимых оттенков партийной идеологии!

Но хуже всего то, что подобная система выборов создает проблемы для общественных групп и инициатив, собиравшихся защищать свои интересы на местном уровне. Чтобы попасть в совет или стать сельским головой, отныне в обязательном порядке надо определиться с политической ориентацией (что, в принципе, преодолимо), а также попасть в партийный список (что, в принципе, весьма сложно, особенно в списках известных мегاپартий).

Польша, еще один наш сосед, с легкостью решила эту проблему, разрешив участвовать в местных пропорциональных выборах не только политическим партиям, но и коалициям избирателей. К примеру, можно создать клуб фанатов кваса, зареги-

стрировать его как избирательную коалицию выборщиков и вполне успешно конкурировать с политическими партиями.

В Украине такой возможности нет, и потому заинтересованные в избрании кандидаты вынуждены искать подходы к партиям, а точнее – к их руководству. Или создавать собственную партию. Например, Морскую – ее название годится для участия в выборах как минимум в трех областных центрах, имеющих выход к морю. Из этого же набора – партия «Рідне місто» («Родной город»), универсальное решение для любого региона. По оценкам украинских экспертов, регистрация собственной партии обходится желающим сегодня примерно в 100 тыс. долларов (сбор 10 тыс. подписей, проведение учредительного съезда и т.д.). Но внимание Министерства юстиции к подобным «скороспелкам» повышенное и явно не слишком доброжелательное. Министерство уже подало в Верховный суд Украины представление на ликвидацию 7 партий, которые не смогли подтвердить свою легитимность даже при поверхностной проверке. А потому более верным, престижным и желанным вариантом является... приобретение партии с историей. Цена вопроса, как уверяют местные эксперты, – от 150 до 300 тыс. американских денег. Естественно, речь не идет о партиях, которые сегодня у всех на слуху. Реально можно претендовать на покупку примерно 30 партий из всего списка. Или, если точнее, около 30 партий владельцам, возможно, удастся продать.

В общем, такая складывается развитая партийная система. Вот только сильно смущает вопрос, за кого игроки политического поля Украины держат собственных избирателей?

К ВОПРОСУ О КОНКУРЕНЦИИ

Но вернемся на политическое поле нашей страны. И, присмотревшись к официальным данным Центризбиркома, придем к неожиданному заключению, что наши кандидаты в депутаты

платить за возможность получить кресло в местных Советах точно не будут. Скорее уж государству впору приплачивать тем, кто согласится баллотироваться в депутаты представительных органов в регионах.

Среднее число зарегистрированных кандидатов на избирательный округ в избирательной кампании 2010 года составило 1,2 человека. Самый активный – Минск, здесь на каждое место в городском Совете претендует аж 3,9 кандидата. В областные Советы устремились 1,3–1,5 человека на место, на уровне районных и сельских на одно место в основном претендовал один кандидат. Исключение – Могилевщина, где среднее количество кандидатов на округ составило 1,9 человека.

Эти данные свидетельствуют о том, что слабый интерес к активному участию в самоуправлении проявляют не только политические партии, но и граждане. Вместо конкурентной борьбы за место в Советах разворачивается чуть ли не борьба за кандидата!

Причина этого, как представляется, кроется в недостаточном уровне политической культуры населения. Наши люди порой не знают, чем занимается местная власть, как разграничиваются полномочия между исполнительной и представительной ветвями, на что может повлиять избранный народом территориальный Совет депутатов. А потому и не стремятся попасть в число народных избранников. Этот тезис подтверждается данными по Минску, где уровень образования и политической культуры граждан выше, чем в среднем по стране, и как результат, на 57 избирательных округов здесь зарегистрировали 220 кандидатов в депутаты.

Между тем законодательство наделяет местные Советы депутатов довольно широкими и интересными полномочиями. Законом «О местном управлении и самоуправлении Республики Беларусь» определено, что к исключительной (то есть принадлежащей только им) компетенции местных Советов депутатов относится четыре пункта:

- утверждение программ экономического и социального развития, местных бюджетов и отчетов об их исполнении;
- установление в соответствии с законом местных налогов и сборов;

У входа в здание, где проходил съезд партии «Фронт перемен». Киев, ноябрь 2009 года

- определение в пределах, установленных законом, порядка управления и распоряжения коммунальной собственностью;
- назначение местных референдумов.

Если человек правильно понимает эти полномочия, если представляет себе, что за ними стоит, то риторических вопросов типа «Да что они могут, эти Советы?» задавать не будет. Могут! И многое.

А чтобы не быть голословными, попробуем проанализировать, как устроена и чем занимается местная власть в странах «развитой», или «старой» демократии.

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В области местного самоуправления мировая практика демонстрирует множество вариантов организационного устройства и экономического функционирования. Политологи приветствуют это многообразие, отмечая интересный момент: сильная система местного самоуправления – своеобразная защита общества «от глупости». То есть, если неверное решение примет один муниципалитет, цена ошибки окажется неизмеримо меньшей, чем порочная инициатива, принятая на государственном уровне и спущенная на места. Глупость, узаконенная на уровне коммуны, не должна заставлять государство брать на себя ответственность за все решения для жизни местного населения. В конце концов, всегда остается возможность исправления неверных шагов.

Специалисты считают, что европейский опыт помог сформировать две основные модели местного самоуправления, которые сегодня в том или ином виде используются во всем мире – англосаксонскую и континентальную.

Англосаксонская модель применяется в Великобритании, США, Канаде, Индии, Австралии, Новой Зеландии – то есть государствах с англосаксонской же правовой системой. Ее отличает высокая степень автономии местного самоуправления и контроль за ним, прежде всего, со стороны населения. На местах отсутствуют специальные государственные уполномоченные,

контролирующие органы местного самоуправления, а также местные администрации как органы государственной власти местного уровня.

Основной принцип англосаксонской системы – «действовать самостоятельно в пределах предоставленных полномочий». Эти полномочия определяются или централизованно (в Великобритании, например, парламентом), или регионально (в США – штатами). Выборные органы местной власти в этих условиях самостоятельно решают все вопросы местной жизни, не отнесенные к компетенции государства, ограничиваясь лишь рамками законов, обычаев, сложившейся практики и судебного прецедента.

Государственное регулирование в этой модели носит косвенный характер (за счет разработки и предложения, например, модельных законов, которые местные представительные органы могут принимать на своей территории с любыми изменениями), а государственный контроль осуществляется в форме судебного контроля. Влиять на принятие решений местной властью государство при англосаксонской модели может, по сути, лишь одним способом – посредством дотаций.

Континентальная модель, как следует из названия, применяется в странах континентальной Европы (Франция, Италия, Испания, Бельгия) и в большинстве стран Латинской Америки, Ближнего Востока, в бывших французских колониях в Африке.

При континентальной модели местное самоуправление органично сочетается с деятельностью местных администраций (то есть органов государственной власти местного уровня). Система приемлет как выборность, так и назначаемость представителей местной власти. Кроме того, создается иерархия системы управления, в которой местное самоуправление является нижестоящим звеном по сравнению с вышестоящим государственным.

Важно, что при континентальной модели автономия местного самоуправления ограничена – на местах работают специальные государственные уполномоченные, контролирующие органы местного самоуправления.

Типичный пример подобной модели – Франция. Местное самоуправление осуществляется здесь на уровне коммун, а

Муниципальный «Центр предприятий», где оказывается помощь в развитии предпринимательства. Испания, г. Хихон

более крупные кантоны и округа уже являются местными уровнями государственной власти. Еще более крупные департаменты функционируют вновь-таки с элементами самоуправления, но уже на уровне региона, в который объединяются эти департаменты, управление осуществляется исключительно государственными чиновниками.

Коммуна – главное звено местного самоуправления. Каждая коммуна избирает совет, а из числа депутатов совета избирается мэр. Мэр и депутаты муниципального совета, работающие на постоянной основе, образуют муниципалитет. Но мэр в этой системе – государственный служащий. Его деятельность находится под контролем как муниципального совета, так и комиссара республики. Комиссар наблюдает и за законностью принимаемых коммуной решений, а в случае необходимости обращается в суд за их отменой.

Впрочем, в современном мире все большую популярность получают смешанные модели местного самоуправления, сочетающие в себе элементы как англосаксонской, так и континентальной систем. Яркими примерами такого соединения можно назвать Германию, Австрию, Японию, ряд постсоциалистических и постсоветских стран. Более того, даже в рамках одного государства могут существовать разные модели. Например, в той же Германии, в которой коммунальное право определяется не центром, а парламентами земель, уживаются четыре модели местного самоуправления, условные названия которых даже не требуют объяснения: «сильный мэр» (французская модель), «сильный магистрат» (северогерманская), «сильный директор» (англосаксонская) и «сильный совет» (южногерманская). В ФРГ уже не раз пытались унифицировать эти системы, но все попытки потерпели неудачу, и сегодня унификация признана нецелесообразной.

Некоторые эксперты, рассматривая системы местного самоуправления в европейских странах, приходят к выводу, что отличия моделей зачастую укладываются

Агитация перед местными выборами в Израиле. 2009 год

по оси «север – юг». Чем севернее – тем выше степень автономии местного самоуправления, чем южнее – тем сильнее позиции государства.

Еще одна система координат увязывает существующие модели самоуправления с историей развития общественных свобод и государственности в конкретных странах. На разных полюсах здесь находятся «исконно свободные» страны, выработавшие иммунитет против монархически-бюрократической централизации (Великобритания, государства Северной Европы, Нидерланды, Швейцария, а вне Европы – США), и государства «верховой власти», система которых основана на подчинении бюрократическому аппарату (Франция, Италия, Германия, Испания). В «исконно свободных» странах фундаментом построения системы местного самоуправления становится община и ее желания, а в странах «верховой власти» – государство и его интересы.

Но и среди стран «верховой власти» степень автономности муниципалитетов может очень кардинально отличаться. Для сравнения стоит взять федеративную Германию, которая создавалась когда-то как объединение разрозненных немецких земель на добровольных основах с сохранением на местах многих атрибутов суверенитета, и Российскую империю, зачастую объединявшую свои земли «сверху». Естественно, что степень самостоятельности немецких муниципалитетов по традиции и сегодня гораздо выше, чем российских.

ЧТО В КОМПЕТЕНЦИИ?

Анализ систем регионального самоуправления был бы неполным без рассмотрения вопросов компетенции представительных органов местной власти. Отметим, что в более децентрализованных государствах законодательство оговаривает уровень компетенции местного самоуправления лишь в общих формулировках. Например, в Финляндии предметом ведения муниципалитетов названы образование, здравоохранение, социальное обеспечение, техническая инфраструктура, контроль за сохранением окружающей среды.

Закон о местном самоуправлении Дании вообще никак не ограничивает дея-

тельность муниципалитетов. Они вправе заниматься любыми вопросами, которые находят важными для местного сообщества. Единственное ограничение – эти вопросы не должны быть в компетенции исключительно государства и не должны регулироваться отраслевым законодательством. Например, отраслевое законодательство Дании регулирует правила организации и функционирования библиотек и музыкальных школ. Зато помощь бедным, строительство спортивных сооружений, поддержка спортивных клубов – вопросы исключительно местного законодательства и, соответственно, находятся в компетенции только муниципалитетов.

В странах «верховой власти» компетенция муниципалитетов более строго ограничивается законами и судебной практикой. Во Франции органы местного самоуправления могут быть наказаны государством за проведение социальных или экономических мероприятий, необходимость которых не удалось доказать. В далеком уже 1970 году широкую огласку получило судебное дело коммуны Монтмани – оно даже вошло в учебники коммунального права. Эта коммуна создала муниципальную службу юридических консультаций. Государство же возмутилось тем, что бюджетные деньги коммуна потратила на услуги, которыми обычно занимается частный бизнес! Представителям муниципалитета пришлось в суде доказывать, что в силу местной специфики без создания этой службы было не обойтись. Этот пример, к слову, любят приводить политологи как доказательство того, что ограничения компетенции муниципалитетов вводятся не для защиты государственного влияния (действительно, было бы смешно, если бы кто-то из госчиновников попытался протестовать против финансирования муниципалитетом армии или министерства иностранных дел), а для того, чтобы у местного самоуправления не появлялось соблазнов по ограничению свободы предпринимательства и частной инициативы на территории своего региона.

Мэр города Квебек (Канада) Р. Лабом общается с журналистами

Интересен опыт Германии. Здесь функции муниципалитетов подразделяют на «добровольные» и «обязательные». Совет коммуны самостоятельно решает, как будут выполняться «добровольные» обязанности, в каком порядке и за какие деньги. К ним относятся обеспечение населения водой и энергией, вопросы культуры, спорта и социального обеспечения. А вот планирование застройки, транспортное обеспечение – это уже «обязательная» задача муниципалитета, которая «спускается» ему администрацией земли. Собственные финансовые ресурсы коммуны идут в первую очередь на решение «обязательных» задач, а уже остаток может быть использован при решении «добровольных» функций.

Безусловно, теснейшим образом с компетенцией муниципалитетов связана и степень их финансовой самостоятельности. В странах децентрализованного самоуправления приоритет отдается фискальной автономии – именно местные налоги и сборы обеспечивают, к примеру, самостоятельность шведских коммун и ландстингов. Доходы из собственных источников, то есть налоги на недвижимость и плата за предоставление услуг, достигают более 70 % бюджетов муниципалитетов в Канаде, 67 % – в США.

В странах «верховой власти» львиную долю бюджетов составляют государственные дотации, которые, с одной стороны, способствуют финансовому выравниванию возможностей коммун, с другой – ограничивают их инициативу и эффективность вложений. Классическим стал пример со строительством бассейнов в Германии и в США.

Правительство Германии объявило о субсидировании возведения бассейнов, и муниципалитеты так активно в это дело ввязались, что во многих даже маленьких городках их появилось по две, а то и три штуки. Но вскоре выяснилось, что правительство вовсе не обещало дотаций на содержание бассейнов, и большинство из них за несколько последующих лет были проданы либо закрыты. Сегодня в небольших немецких городах (если это, конечно, не курорт) осталось только по одному бассейну.

А вот американский пример. Жители города Харрисон в штате Арканзас захотели обзавестись бассейном. В мэрии подчисли-

тали, что его возведение обойдется в 900 тыс. долларов. Где взять деньги? Мэр предложил на девять месяцев увеличить налог с продаж всего на 0,8 %. Но граждане не одобрили инициативу, сказав на референдуме твердое «нет». Мэр не отчаялся, организовал информационную кампанию, и ровно через год жители изменили свое решение, поддержав стройку. Бассейн в городе появился, а через 9 месяцев, как мэр и обещал, налог вернулся на прежний уровень. Зато сегодня, говорят, жители очень любят и берегут свой собственный бассейн.

Данные истории – яркое доказательство того, что эффективность использования средств становится на порядок выше, если деньги на социальные нужды органы местного самоуправления зарабатывают сами, а не получают «сверху». Как говорится, это теперь мировой тренд.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Даже беглый анализ систем местного управления и самоуправления позволяет сделать некоторые обобщения и экстраполировать полученные результаты на белорусские реалии развития органов местной власти.

Во-первых, форм организации функционирования местной власти в мире великое множество. Четко разделить чужой опыт на «французскую» либо «американскую» модель зачастую невозможно, так как системы находятся в постоянном развитии и отличаются органичным взаимопроникновением. Еще более ошибочным является использование опыта некоей одной страны (например, модной нынче в социальном плане Швеции) как «общеевропейского» рецепта.

Во-вторых, нужно четко разделять системы управления территорий и системы самоуправления. В Европе существуют и успешно функционируют сложные многоуровневые цепочки, в которых сочетаются деятельность как государственных администраций, так и коммунальных советов.

В-третьих, даже обоснованным требованиям придания большей автономии муниципалитетам нужно противопоставлять не менее насущную необходимость строгого государственного контроля и регулирования местного самоуправления.

Наконец, очевидно, что развитие белорусской модели местного управления и самоуправления происходит в русле общемировых тенденций. Компетенции Советов депутатов, определенные законодательством Республики Беларусь, ничем не отличаются от компетенций коммунальных советов и муниципалитетов в других странах. Увеличение самостоятельности Советов, в том числе и в финансовой сфере, в нашей стране только приветствуется. И многие сельские Советы, не говоря уж о городских и районных, этим правом пытаются успешно пользоваться. Иными словами, законодательная и нормативная база для более активного и эффективного участия местных Советов депутатов в жизни регионов создана. Есть на то и политическая воля со стороны органов государственной власти.

Чего же в таком случае не хватает, чтобы преодолеть некоторое безразличие части населения и к выборам, и к деятельности Советов? Ответ очевиден – инициативы самих депутатов, активности политических сил и планомерного повышения политической культуры граждан.

Официальные данные Центризбиркома, опубликованные накануне выборов, определенные надежды в этом отношении вселяют. Так, среди зарегистрированных кандидатов депутаты действующего созыва составляют 46,3 %. В Могилевской области этот показатель составляет 31,8 %. А в Минске – вообще 6,8 %! Это значит, что при сохранении должной степени преемственности в составе местных Советов депутатов появится достаточное количество новых лиц. Наверное, более молодых (в Минске кандидатов до 30 лет всего лишь 35 %). Наверное, более образованных. Более активных и инициативных.

А значит, у нас у всех есть шансы на то, что Советы депутатов станут более заметной и авторитетной структурой в системе власти. Потенциал их действительно огромен. И было бы крайне обидно рассматривать их как недооцененные акции. До самых до новых выборов...

Максим ГИЛЕВИЧ ▀

У стенда с информацией о кандидатах в депутаты местных Советов. Минск, апрель 2010 года